

Империя-феникс

Между советским прошлым
и евразийским будущим

© Пономарева Е. Г.

© Ponomareva E.

Империя-феникс. Между советским прошлым и евразийским будущим

Phoenix-empire: Between Soviet past and Eurasian future

Аннотация. Книга Дарины Григоровой «Империя-Феникс» посвящена актуальным вопросам российской и мировой истории. На богатом историческом (архивы, мемуары, воспоминания), научно-теоретическом и эмпирическом (интервью, поездки, статистика) материале автор исследует причины (дез)интеграционных процессов на пространстве Северной Евразии, анализирует специфику русской власти и процессов формирования национальной идентичности в России, Белоруссии и на Украине. Рецензия представляет критическую оценку позиций и оценок автора.

Annotation. The book of Darina Grigorova presents many aspects of contemporary Russian and global history. It is based on large historical sources (archives, documents, memories), includes theoretical and empirical sources (interviews, statistics, author experience in Russia, Kazakhstan and Belarus). The author explores the reasons for the dis/integration process in the North Eurasia space, analyzes the specifics of Russian imperial power and the archetypes of Russian, Ukrainian and Belarusian identities. This review is a critical analysis of author's thesis.

Ключевые слова. Россия, русская власть, евразийская интеграция, украинский вопрос, национальная идентичность.

Key words. Russia, Russian imperial power, Eurasian integration, Ukrainian question, National identity.

Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.

А. С. Пушкин. Была пора (1836)

25 ноября 2015 г. в Софии состоялась презентация важной и во многих смыслах удивительной и для Болгарии, и для России книги — «Империя-Феникс: между советским прошлым и евразийским будущим» [4]. Автор этой фундаментальной научной работы — доцент исторического факультета Софийского университета им. Климента Охридского, специалист по русской истории Дарина Григорова.

ПОНОМАРЕВА Елена Георгиевна — профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России, доктор политических наук.

Чем же удивительна эта книга? Во-первых, официальная София и обслуживающие ее «научные» круги уже давно продали истину и историческую правду за тридцать сребреников европейских грантов и активно включились в набирающий обороты процесс по фальсификации как собственной, так и мировой истории. Выдавливание из науки, научной публицистики, медийной сферы специалистов, стремящихся к объективному анализу прошлого и настоящего, стало нормой для современной Болгарии. Очередным актом зачистки экспертного поля стало закрытие в декабре 2015 г. программы «Деконструкция» на Болгарском национальном радио. Это была одна из немногих передач, ведущий которой П. Волгин и его гости, среди которых была и Д. Григорова, не боялись открыто критиковать власть и представлять альтернативную позицию ЕС точку зрения на многие проблемы

мировой политики. Фактически, во всех ведущих вузах и СМИ действует запрет на профессию для тех, кто подвергает сомнению (даже самому мягкому) позицию ЕС и НАТО по самому широкому кругу современных проблем. Поэтому для болгарского автора анализ «двух ликов постсоветского орла — имперского и национального», «честной истории», которая рассматривается сквозь призму взаимоотношений власти и различных общественных групп относительно оценки давних и недавних исторических событий, а тем более «украинского Януса между Галицией и Малороссией», требует не только научной, но и гражданской смелости.

Весьма показательным является и следующий факт. 25 ноября 2015 г. в Софии в Центральном здании Болгарской академии наук состоялась еще одна презентация. Книгу премьер-министра Турции, лидера правящей Партии справедливости и развития А. Давутоглу «Стратегическая глубина» с большой помпой представлял президент БАН С. Воденичаров. Это мероприятие проходило на следующий день после неоправданного и жестокого акта агрессии Турции против России, когда в небе над Сирией был сбит бомбардировщик Су-24, а один из российских летчиков — расстрелян в момент катапультирования. Резкое осуждение со стороны России этого, по словам Президента РФ В. В. Путина, «удара в спину» словно подзадорило организаторов мероприятия. Из статусных персон на нем присутствовали последний

Григорова Д.

Империя-Феникс: между съветским минало и евразийского бъдеще.

София : Военно издателство, 2015. 192 с.

болгарский царь Симеон II (годы правления 1943–1946) и министр образования и науки Болгарии Т. Танев. Профессиональный политолог как мог восхищался опусом, по сути, отрицающим болгарскую государственность. И если для представителя Саксен-Кобург-Готской династии, который в принципе не ассоциирует себя с Болгарией, исторические фальсификации — политическая повседневность, то для руководителя всей научно-образовательной сферы в стране это недопустимо и непростительно. Впрочем, каков руководитель — таков в современной Болгарии и научный официоз. В таких условиях работа Д. Григоровой приобретает особую ценность и несет особую миссию.

Во-вторых, значение книги определено тем, что многие вопросы, поднятые в монографии, для целого ряда российских исследователей являются либо табуированными (например, понятия имперскости, соотношения русскости и российскости), либо утрированно политизированными — в этом ряду пальма первенства принадлежит украинскому кризису, изучению «лоскутности» современной Украины. Вопросы, поднятые в книге, как бы сказал Ульянов-Ленин, архиважные. Что из себя представляет самая большая страна мира: империя это или национальное государство? А может быть, это феномен, рожденный наложением имперскости и русской державности? И оправдано ли само противопоставление применительно к России понятий имперского и национального, российского и русского? С чем связаны взлеты и падения русской системы? Что является ее фундаментом? Чем определена двойственность украинской идентичности?

Опираясь на богатый теоретический и эмпирический материал, автор дает свои ответы на эти и многие другие вопросы; ответы, вскрывающие многие проблемы современного развития евразийского континента. Но самое главное — в отличие от ряда отечественных авторов, Д. Григорова как истинный ученый не стремится прикрывать исторические факты фиговым листом политкорректности и называет вещи своими именами. Отталкиваясь от русской истории и анализа российско-украинских отношений, она размышляет о фундаментальных основаниях и путях развития мироздания — о национальном сознании, причинах дуализма идентификации, о политической и геополитической идентичности. Таким образом, книга имеет непреходящее значение и будет актуальна для следующих поколений пытливых исследователей.

Еще одна причина особого внимания к данной работе заключается в том, что взгляд на историю нашей страны и постсоветского пространства дан со стороны. Автора книги нельзя обвинить в ангажированности, в проплаченности позиции. Никаких грантов от российской стороны на проведение исследования Д. Григорова не получала. Книга родилась исключительно как продукт интеллектуального поиска автора и свойственной ему высокой научной ответственности. Поскольку монография представляет несомненный научный интерес, мне бы очень хотелось, чтобы в скором будущем она увидела свет на русском языке. А пока представлю читателям некоторые, наиболее важные, с моей точки зрения,

идеи автора и поделюсь своими размышлениями на их счет. Начну с понятия русской власти.

Феноменальность русской власти

Как любил повторять известный философ А. А. Зиновьев, «эволюция развития крупных сложных систем необратима». Что же является основополагающим элементом таких систем, что определяет их «необратимость»? В индийском обществе — это каста, в античности — это был полис, в капиталистической системе — это капитал. А в русской системе? В русской — это власть. Как отмечает историк и социолог А. И. Фурсов, «у русской власти нет аналогов ни на Западе, ни на Востоке. Это исключительно русский феномен. Она, во-первых, никогда бы не возникла на русской почве без взаимодействия с тенденциями и феноменами общеевразийского пространства, а во-вторых, не получила бы своей завершенной формы вне капиталистической системы, без взаимодействия с тенденциями и феноменами общемирового развития» [20]. Поскольку русская власть отражает весьма сложную по содержанию и строению субстанцию, сформировавшуюся как русский ответ на нерусские — евразийские и мировые — воздействия, ее специфика заключается в надзаконности и социально однородном характере.

Во введении «Два лика постсоветского орла: имперский и национальный» [4. С. 5–24], а также в первой главе «“Честная история”: история и власть в постсоветской России» [4. С. 25–63] автор, отталкиваясь от исторических реалий и интерпретаций дает свою оценку роли властных институтов в современной России, объясняет природу ее специфичности, соединяющую (зачастую весьма причудливым образом — например слова и музыка гимна, государственные праздники как бывшие советские, так и новые, и т.д.) имперское и советское, показывает исключительную значимость власти для всех сфер жизни российского общества, начиная от оценки исторических событий советского прошлого и заканчивая процессом формирования гражданского общества.

Феноменальность русской власти определена рядом факторов. Во-первых, Россия «отошла» от Европы по основанию византизма. За ширмой казуистической формы разрыва Константинополя и Рима скрывается невидимый сразу содержательный разрыв, пропасть миропонимания. «*Византизм* (восточный путь) — кратократический, политарный путь власти, подчиняющий душу. *Европеизм* (западный путь) — путь двух мечей, равнодостоинных и взаимоуравновешивающих начал — административного и духовного. На Востоке власть одолела церковь. На Западе церковь, пережив империю, одолела власть. Восток утвердил единодержавие, единовластие кесаря. Запад — двоевластие папы и кесаря» [12. С. 72].

Византийским кратократическим началом и «пропиталась» Россия. В то же время централизация и консолидация власти, необходимая для сохранения государственности Руси—России, потребовала этатизации церкви. Однако этатизация православной церкви не уничтожила

ее огромное влияние на политический процесс в России вплоть до революций начала XX в. В результате был создан удивительный симбиоз власти светской, власти церковной и власти духовной. Русский философ В. С. Соловьев в 1888 г. так охарактеризовал отношения церкви и государства: «Россия есть единственная христианская страна, где национальное государство без оговорок утверждает свой исключительный абсолютизм, делая из церкви атрибут национальности и послушное орудие мирской власти, где это устранение божественного авторитета не уравновешивается даже (насколько это возможно) свободой человеческого духа» [15].

Во-вторых, это вотчинный характер русской политической власти, ее принципиальная несовместимость с частной собственностью, прежде всего, на землю и, соответственно, с утверждением в России гражданского общества западного образца, что было определено ходом российской истории. И. В. Киреевский в связи с крестьянской реформой писал, что в устройстве русского общества право собственности есть «случайное отношение». Относительно поздняя по историческим меркам приватизация земель расценивалась государством не как мера создания прочного и стабилизирующего систему слоя граждан, а в качестве ресурсов обмирщения проектов власти. Проблема приватизации земли не решена в России и сегодня. Весьма специфическим остается в стране и общее отношение к частной собственности, особенно той, которая возникла в результате грабительской «прихватизации» 1900-х гг. [5]. Эта проблема является сквозной и в работе Д. Григоровой.

В-третьих, на что также обращает внимание автор, особенность русской власти заключается в гипермасштабности страны. В. О. Ключевский, и вслед за ним целый ряд исследователей, объясняет роль власти в России через исторически вынужденную *пространственную экспансию*, а затем и *вольнонародную* колонизацию Азии при достаточно малых людских ресурсах. «...История России есть история страны, которая колонизируется... Переселение, а не расселение, колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты... Он и ставил русское население в своеобразное отношение к стране, изменявшееся в течение веков и своим изменением вызывавшее смену форм общежития» [8. С. 50]. Понимание и осознание этого фактора развития России, ее властных и ментальных особенностей также раскрывается в книге Д. Григоровой. Более того, автор подходит к выводу, что именно гиперконтинентальность России, с одной стороны, дает ей силы словно птице-фениксу возрождаться после тяжких исторических испытаний и поражений, а с другой — определяет ее вынужденную имперскость [4. С. 155 — 157].

Четвертым элементом, определившим особенности формирования и функционирования власти в России, стало татаро-монгольское нашествие, которое оставило после себя (1) *монгольское право на землю*, т. е. принцип «вся земля — земля хана»; (2) *монгольский властный орднунг* — абсолютное, ничем не ограниченное, беспредельное самодержавие,

бывшее инструментом выражения и преодоления вольности внутри Степи и (3) *монгольскую враждебность городской культуре*.

В России на протяжении веков удельный вес горожан составлял от 3 до 10% населения; соответственно, город не мог выполнять культурной, общегражданской миссии. Более того, полное понимание роли монгольского ига на Руси состоит в понимании сути урбанизации как территориальной концентрации участников производства, обеспечивающей рост производительности труда на базе технического обновления, экономии ресурсов, оптимального использования рабочей силы как процесса модернизационного. В силу же монгольской негородской диспозиции традиционная русская культура оставалась практически нетронутой вплоть до реформ Петра I, что в конечном итоге привело к экстенсивности, инерционности, несбалансированности всей политической системы вплоть до наших дней [12. С. 77].

Итак, национальная история России зарождалась на стыке византийской и ордынской линий, где происходило инерционное накопление могущества власти. Ордынство и византизм пересеклись, наложились друг на друга, дополнили друг друга и образовали именно ту пространственно-политическую зону, которая и определяет сегодня особенности системы власти в России.

Завершая тему феноменальности русской власти, следует подчеркнуть, что многовековая история России доказала: эта власть была достаточно сильна, чтобы противостоять и напору с Запада, и влиянию Востока. Отстаивание суверенитета страны, защита самости происходит в перманентно успешной войне или борьбе на два фронта. Рецепт выживания, способом самосохранения при такой асимметрии взаимоотношений для России стала стратегия укрепления власти. Российская *кратократия* — едва ли не вынужденная возможность успешного решения национально-государственных проблем за счет предельной концентрации ресурсов нации на ключевых направлениях. Вопросы государственной целостности, независимости, политического престижа, хозяйствования, развития материальной базы, народонаселения исключали иной тип организации власти. Получается, что деспотизм, крепостничество, репрессивность, низкое качество жизни, отсутствие гражданских свобод были платой за выживание. Если исходить из позиции, что вынужденная борьба по всем направлениям является константой отечественного политического процесса, то приходится согласиться с тем, что обеспечить выживание в такой ситуации способна лишь сильная, а в определенные исторические периоды и подымающаяся над законом власть.

Наиболее ярко последняя особенность проявилась в советский период. Так, В. И. Ленин охарактеризовал диктатуру пролетариата как «ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть» [10. С. 383]. Таким образом, на первом этапе развития Советской власти большевики исходили из того, что их власть, власть партии, стоит над законом, над конституцией. Впоследствии, в Конституции СССР 1977

г. (ст. 6) этот характер власти партии приобрел новое звучание. Однако надо четко понимать, что надзаконность была не порождением советского строя, а продолжением традиций Московского царства и Петербургской империи — подобно тому, как и современная российская власть, сосредоточенная в Кремле, воспроизводит многие черты русского самодержавия.

Такая преемственность есть свидетельство глубинных корней власти, которая предстает в разных формах — монаршей, партийной, президентской, — что, в свою очередь, означает адекватность, а может быть, даже оптимальность именно такой власти для русского общества и русского пространства. Центроверховность власти, в свою очередь, определяет исключительную, а иногда даже утрированную ее персонификацию. Эта особенность очень четко показана в работе Д. Григоровой при анализе президентской вертикали в современной России [4. С. 67—70, 75—77].

Национальная и культурная идентичность как политическая проблема

Следующая важная и сквозная тема, рассмотренная в работе Д. Григоровой, — это проблема национальной идентичности, которая всегда стояла в России в силу ее имперскости на втором плане в сравнении с культурной и религиозной идентичностью. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневский писал, что слово «христианин» на Руси имело помимо обозначения принадлежности к христианской церкви смысл «православный житель русской земли (как противопоставление иноплеменникам)» [16].

Россия не была и вряд ли когда-нибудь
станет нацией-государством. Русская
история является ярким примером
обратного движения — не ассимиляции
этнических групп, а формирования новых
народностей и даже наций.

Ни в Новое время, ни в Современности Россия не была, да и вряд ли когда-нибудь станет нацией-государством — моделью сочетания особой политической формы национально-территориального суверенитета и культурной (языковой и/или религиозной) однородности конкретной общности. Дело в том, что в процессе формирования государственности по модели нации-государства при наличии более чем одной этнической группы могут происходить агрессивные, дискриминационные действия доминирующего этноса (как

правило, это выражается в ассимиляторской политике — мягкой либо жесткой дискриминации — иных этноконфессиональных сегментов). Русская история является ярким примером обратного движения — не ассимиляции этнических групп, а формирования новых народностей и даже наций. Наибольшей интенсивностью этот процесс характеризовался в советский период, когда была создана не только письменность у целого ряда народов, но и заложены основы их государственности, причем в рамках территориальных границ, созданных зачастую за счет передачи этим новообразованиям части русских земель.

Такое положение вещей не могло не отразиться на русском народе. Искусственное конструирование, целенаправленное изобретение наций в эпоху «торжества» интернационализма и реализации концепции права наций на самоопределение привели не только к ментальной разбалансировке Русского мира, но и к утрате части русских территорий. Кризис (а точнее — гражданская война) на Украине есть, в частности, одно из следствий политики по перекраиванию единого политико-культурного пространства, по перемешиванию народов и непродуманной социальной инженерии.

Представляется очевидным, что только имеющее прочные горизонтальные связи (социальные, культурные, экономические и политические) сообщество может считаться единым. Это единство, в противовес границам «свой — чужой», является набором представлений о «мы — сообществе», где основным является не «принадлежность» (или «исключенность»), а то, *кто такие* «мы». Единое политическое сообщество возникает при наличии легитимных политических институтов, унифицированных правил и норм, общего информационного пространства и наконец общей исторической памяти.

Все эти проблемы — вопросы национальной идентификации, соотношения и противопоставления русскости и российскости, советской и постсоветской идентичности — подняты в книге Д. Григоровой [4. С. 114–116]. Изучению специфики национального строительства на Украине и в Белоруссии посвящена третья глава книги — «Украинский Янус между Галицией и Малороссией: формирование национального облика на фоне геополитической тектоники» [4. С. 117–153]. Сравнение России с мифологической птицей-феникс, способной сжигать себя и возрождаться снова, вынесенное в заголовок и красной нитью проходящее через все повествование, является эмоциональным и аллегорическим доказательством ментального и психоисторического единства народов, населяющих пространство Большой России, как бы она ни называлась. Это тонкая и точная метафора напомнила мне слова Н. К. Рериха, написанные 28 июля 1941 г.: «В грозе и молнии кует народ русский славную судьбу свою. Обозрите всю историю русскую. Каждое столкновение обращалось в преодоление. Каждое разорение оказывалось обновлением. И пожар, и разор лишь способствовали величию Земли Русской... Потрясения лишь вздымали народную мощь, накопленную и

схороненную, как силушка Ильи Муромца» [13]. Современное давление на Россию со стороны ряда западных стран и наднациональных структур (ЕС и НАТО), уверена, даст прежний результат — обновление и расцвет России.

Однако это будет многотрудный процесс. Д. Григорова совершенно справедливо отмечает, что русские во внутренних и геополитических битвах «надорвались», поднимая окраины и жертвуя своей идентичностью в пользу империи. Это правда. Несмотря на то, что русские остаются самым многочисленным коренным народом России и самым многочисленным европейским народом (по данным Всероссийской переписи 2010 г. они составляли 81,1% населения страны, или 111 млн человек [1]) численность именно русского этноса все время сокращается (в 2002 г. русских было почти 116 млн человек). Однако проблемы не только в этом. Разрушение Советского Союза физически распылило русский народ: за пределами современной России проживает около 20 млн русских и русскоязычных, а глобализация размывает общекультурный стержень постсоветского пространства. Поэтому сегодня очень остро стоит вопрос не только возвращения соотечественников, если есть на то их желание, но и значимости русской культуры и русского языка, что, в свою очередь, невозможно без активной борьбы с фальсификацией истории.

«Российский транзит и моделирование российской идентичности» — так называется вторая глава работы Д. Григоровой. Проблема национальной и культурной идентичности рассмотрена автором сквозь призму моделирования национального образа [4. С. 65—116]. Особое внимание привлекают рассуждения о роли символов, праздников, кинематографа и СМИ в процессе формирования национальной и культурной целостности.

В этой главе поднята очень деликатная и сложная для России тема национального образа; изучен вопрос соотношения/замещения русского и российского. Совершенно справедливо дается оценка событий 1990-х гг. как национальной катастрофы. До сих пор для всех тех, кто пережил разрушение СССР, очень трудно интерпретировать произошедшее в терминах современной политологии — модернизация, трансформация, демократизация. Это были события, уничтожившие даже «мечту о счастливом будущем», тем более о счастливом настоящем, которое, я уверена (в отличие от Д. Лихачева), у нашего народа было.

Вопрос противопоставления *русский* — / *российский* остается для российских исследователей неоднозначным, а в ряде случаев — даже не политкорректным. Д. Григорова ответила на него за нас: в работе дан блестящий анализ современных российских идеологических конструкций, показан мучительный и противоречивый путь к единению страны, начиная от символических названий («Единая Россия») и заканчивая обращением к идейному наследию консервативных мыслителей прошлого. Вывод автора является однозначным: в российской реальности растворяется русскость, причем речь идет не об этнона-

циональном, но о культурно-метафизическом наполнении истории великой страны.

Общественные науки в контексте информационной войны

Как профессиональный историк, Д. Григорова не обошла своим вниманием вопросы фальсификации истории, прежде всего Второй мировой и Великой Отечественной войн, справедливо отмечая сознательный характер таких фальсификаций. Любые попытки переписать историю имеют под собой веские политические, финансовые и геополитические основания. Именно поэтому внимание к истории в России сегодня самое пристальное. Автор детализирует этот вопрос и выделяет две главные причины значимости для российской власти и общества вопросов истории. Во-первых, это поиск оснований для новой идеологической доктрины, которой официально (согласно Конституции РФ, ст. 13) у России нет. Во-вторых, это легитимация существующей власти [4. С. 25–33].

В книге прекрасно показано, что без ясного, четко аргументированного целеполагания, которое, в свою очередь, вызревает из осознания обществом объективной потребности сохранения и развития существующей целостности, из идеи государственного единства, невозможно ни развитие современной России, ни формирование гражданской идентичности ее населения. Вся история России (и особенно ярко — история XX в.) доказала, что идеи играют колоссальную роль в развитии общества. В России сила идеи, поддерживаемой обществом, всегда оказывалась куда более существенной и значимой для развития страны, чем уровень материального благополучия или, говоря современным языком, уровень потребления.

«Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три... Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Странным образом — буквально ничего» [14]. Так охарактеризовал Февральскую революцию 1917 г. известный русский религиозный философ В. В. Розанов. Эта эмоциональная характеристика событий почти вековой давности была основана не только на знании, но на понимании и даже ощущении мыслителем того главного, что соединяло, цементировало русское общество и государство, формируя устойчивую целостность. В равной степени рациональным и эмоциональным связующим элементом России всегда была национальная идея как идея государственная. С ее крушением рушилось не только государство, — в пучину хаоса повергалось все общество.

В свое время В. В. Набоков верно заметил, что «власть и Родина — разные вещи» [11]. Однако, как только в России рухнула власть, перестала существовать и Родина; а сам Набоков скитался всю жизнь по иностранным гостиницам и пансионатам. Очевидно, что в настоящий момент Рос-

сия как никогда нуждается в доктринальной конструкции существования и развития, в определении идейного смысла ее бытия. Вспомним в связи с этим А. А. Зиновьева, который писал: «Идеология имеет два аспекта — мировоззренческий (учение о мире, о человеке, об обществе, о познании и т. д.) и практический (правила идеологического мышления и поведения). Практическая идеология есть совокупность некоторых образцов понимания явлений действительности... Идеология не просто формирует и организует сознание людей, она создает специальный коллективный интеллект и интеллектуальные стереотипы поведения. Практическая идеология создает совокупность правил и навыков поведения людей в социально важных ситуациях» [7. С. 394]. Получается, что без идеологии мы остались без организации сознания, без специального коллективного интеллекта, да к тому же утратили навыки поведения в социально важных ситуациях. Иными словами, России остро нужна идеология.

Надо сказать, что поиски и разработки такой идеи активно ведутся последние годы. Однако процесс это не быстрый. К тому же он должен быть обоюдным: как со стороны общества, так и со стороны власти как центрального элемента всей русской системы.

Продолжая разговор о роли истории в современной России, отмечу, что общественные науки в системе образования любого государства всегда занимают особое место. И это не удивительно. Ведь именно на их базе формируется отношение индивида к своей стране, к миру, к себе. Именно общественные науки, будучи максимально идеологизированными и политизированными, определяют приоритеты развития личности и общества: они формируют границы должного, возможного и невозможного, задают определенную модель поведения.

Общественные науки, и прежде всего история, как хорошо показано в работе Д. Григоровой, несут на себе бремя идеологии — прежде всего потому, что они и были рождены в насквозь идеологизированную эпоху модерна. Идеология стала фирменным знаком Современности, ее изоморфой. «Идеологоцентризм современного сознания таков, что любую систему идей, любую «идейно-политическую форму», будь то светская или религиозная, мы автоматически отождествляем с идеологией, классифицируем как ту или иную идеологию» [18. С. 7.]. Крушение советской системы началось с «размывания» идеологии и самым непосредственным образом коснулось всех общественных наук. Освобождение от порой идиотических партийных идеологических установок, когда даже в школьных сочинениях было порой необходимо указывать последние решения съездов КПСС или пленумов ЦК, казалось бы, должно было дать уникальную возможность развитию творческого потенциала общества, действительно деидеологизировать общественные науки. Однако деидеологизация обернулась реидеологизацией — заменой прошлых догматов новыми: на место коммунистических идолов возвели консервативных и либеральных. Причем этот процесс характерен не только для России, но для европейских стран, части постсоветского пространства.

В результате деидеологизация обернулась деисторизацией сознания. В своей работе Д. Григорова предприняла попытку разобраться в хитро-сплетениях многих «исторических» процессов в России: анализирует «дело историков», оценивает переосмысление российским обществом советского прошлого, а также роли личности в истории, прежде всего Ленина и Сталина [4. С. 33–38].

Читая рассуждения Д. Григоровой о Сталине, мне вспомнились строки одного из крупнейших поэтов XX в. Даниила Андреева. Историософ, прекрасно понимающий геополитические реалии, осмыслив русскую историю от Ивана Грозного до Иосифа Сталина, он написал восемь строчек не о Сталине, а о русском типе вождя:

Коль не он, то смерть народа,
Значит он.
Но темна его природа,
Лют закон.
Да, темна его природа,
Лют закон.
Коль не он, так смерть народа,
Значит он [9].

Этими строками сказано много, если не все о русской истории, о типе ее лидера, о феномене русской власти.

По поводу сталинских времен приведу еще одно высказывание А. А. Зиновьева — не просто известного философа, но участника Великой Отечественной войны. Он писал: «Если подходить к событиям с научной точки зрения.., то репрессии стали одним из факторов победы... Если бы не было 1937 года, то в 1941 году через два-три месяца война закончилась бы для Советского Союза поражением» [6].

История любого народа — не черно-белое полотно. Это самый сложный процесс, имеющих как субъектно-объектные (зависимые от интересов конкретных групп), так и объективные факторы развития. Любое сознательное искажение исторических фактов, замалчивание одних событий и демонизация других, деидеологизация, которая оборачивается реидеологизацией в интересах определенных кругов, следует понимать как технологические приемы информационной войны. Книга Д. Григоровой в силу нацеленности на вскрытие глубинных причин российских процессов оказывается на переднем фланге этой войны. Войны за нашу правду, за нас, за наше будущее.

Украинский вопрос

События на Украине 2013–2015 гг. стали крупнейшим на евразийском пространстве геополитическим кризисом с начала нового столетия, который не только привел к коллапсу украинскую экономику и государственную систему, но и определил территориальный распад страны. «Эта, без преувеличений, трагическая ситуация запустила процесс пересмотра всей системы международных отношений — диалог России, ЕС и США на прежних условиях отныне вряд ли возможен» [2. С. 20].

В таких условиях поднятая Д. Григоровой в третьей главе проблематика украинского кризиса — самая злободневная и болезненная. Автор как профессиональный историк пытается разобраться в причинах современного кризиса, выяснить природу украинской «национальной конструкции» [4. С. 117]. Нельзя не согласиться с выводом, что «украинский дуализм, с одной стороны, есть дуализм украинско-русский, а с другой — галицийско-малорусский» [4. С. 118]. Следуя строго научному подходу и традиции историзма, автор детально разбирает специфику «галицизации» Центральной и Восточной Украины, изучает процесс «галицийского импорта» [4. С. 119—222]. Выявленная в книге идентификационная двойственность пронизывает все сферы современной Украины. Действительно, на территории современной Украины на протяжении столетий отсутствовало консолидированное политическое сообщество, т. е. нация здесь так и не сформировалась. Весь XX в. украинское государство «шилось» как лоскутное одеяло, формировалось за счет включения разных территорий в административные границы Советской Украины. При этом территория и в XXI в. не стала «коконом» для вызревания и рождения украинской нации.

Всем защитникам «украинской государственности» не лишним будет напомнить, что «незалежная» как государство формировалось путем присоединения очень разных территорий, имеющих собственное историческое и культурное развитие. Так, в 1920-е гг. в состав УССР были введены русские территории: Луганская станица Донской области, часть Донецкого округа Северо-Кавказского края, земли Белгородской и Воронежской областей. В 1926 г. — земли Гомельской губернии (Белоруссия). В 1939—1945 гг. к УССР отошли территории Западной Украины, часть Бессарабии, Северная Буковина, Подкарпатская Русь (Закарпатская Украина), на разных исторических периодах входившие в Австро-Венгрию, Польшу, Венгрию, Румынию и Чехословакию. Это современные Львовская, Ивано-Франковская, Тернопольская, Черновицкая, Закарпатская, Хмельницкая, Волынская и Ровенская области. Кроме того, в 1954 г. в нарушение советского законодательства Хрущев подарил Украине Крымскую область. Как видим, Украина — искусственное образование, появившееся благодаря большевикам, памятники которым в современной «незалежной» рушат с пещерным остервенением.

Д. Григорова сумела отойти от эмоционально-субъективистского подхода, что в нынешних условиях чрезвычайно трудно, и проследила формирование украинского национализма, корнями уходящего в культуру и традиции Австро-Венгрии [4. С. 127—128]. Опираясь на труды Н. Грушевского, М. Драгоманова, Н. Костомарова, И. Лисяк-Рудницкого и других, признанных украинскими националистами выдающимися мыслителями, она проследила эволюцию украинского национального самосознания, процесс его конструирования [4. С. 129—140]. Как верно заметил в свое время Э. Геллнер, «нации как естественные, Богом установленные способы классификации людей, как некая исконная... политическая судьба — это миф; национализм, который превращает предшествующие культуры в нации, иногда сам изобретает подобные культуры,

а порой полностью стирает следы прежних культур — это реальность» [3. С. 48—49]. Наблюдения Д. Григоровой развиваются целиком в русле этого замечания.

Важными и своевременными представляются рассуждения автора о роли в современном политическом процессе русинов — этой, по словам К. Шевченко, «славянской Атлантиды» [4. С. 141]. Сама автор определяет третью нацию Украины как носителя специфической идентичности — «славянскую Аврору» [4. С. 141]. Как верно отмечает Григорова, «русинская нация есть естественная реакция на украинизаторскую политику этноцентричного украинского национализма по-галицийски со второй половины XIX в. и вплоть до начала Первой мировой войны» [4. С. 141]. В современных условиях очевиден ренессанс русинской идентичности — сохранить себя в фашистском государстве можно, лишь формируя барьеры, защищающие идентичность. Но где в этом случае Россия? Со стороны России, как и в XIX в., поддержка Русского мира, о котором последнее время говорится с самых высоких трибун, на практике оказывается непоследовательной и малосодержательной. А потому обращение внимания на этот вопрос имеет сегодня не только научное, но и практическое значение.

* * *

Завершая размышления по поводу исследования Д. Григоровой, могу с уверенностью сказать, что автор внесла, без преувеличения, весомый вклад в историческую науку. Обработан огромный массив источников, в том числе архивных материалов, научной и публицистической литературы, мемуаров и дневников; детально изучены материалы СМИ разной направленности. Кроме того, в научный оборот введены ценные аудио- и видеоматериалы.

Особое значение данная книга имеет потому, что взгляд со стороны на ключевые проблемы современной России — отношения с постсоветским пространством, развитие евразийской интеграции, наши трудности и беды в целом — предлагает болгарский исследователь. При этом Д. Григорова не просто кабинетный ученый, но и большой знаток как нарративных источников, так и истории, и структуры повседневности изучаемого предмета; она прекрасно владеет русским языком и тонко чувствует русскую культуру. Ее встречи и контакты с представителями разных народов — башкирами, белорусами, казахстанцами, русскими, татарами, украинцами — позволили пропустить через себя все наши проблемы, устремления и надежды. В связи с этим вспоминаются слова Г. В. Плеханова: «Между наукой и жизнью существует теснейшая, неразрывная, ни для одной из них нимало не унизительная связь; чем более наука служит жизни, тем более жизнь обогащает науку».

Соединение фундаментальных знаний, культурного опыта и исследовательского азарта позволили автору посмотреть на многие исторические факты под новым углом зрения, «вскрыть» ментальные коды, увидеть сегодняшние и завтрашние проблемы евразийского континента сквозь призму дрящегося прошлого.

Великий русский поэт, дипломат, ученый Ф. И. Тютчев в 1866 г. написал строки, ставшие своеобразной визитной карточкой нашей страны:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
в Россию можно только верить.

Но на деле все не так однозначно. Россию нельзя понять на западный буржуазный лад. У нее, как сказал другой великий русский человек — А. С. Пушкин, «своя формула истории», которую нужно не только знать, но проникнуться ее духом, прочувствовать. Именно этим — пониманием, проникновением и прочувствованием — отличается работа Д. Григоровой. И это настоящая победа автора, победа Ученого с большой буквы.

По общей тональности содержания книга «Империя-Феникс» глубоко оптимистична, что в условиях геополитической тектоники имеет особый метафизический смысл. Автор вскрывает многие проблемы современности, указывает на многочисленные ошибки давнего и недавнего прошлого, выявляет причинно-следственные связи рваного цикла русской истории, но при всем этом она видит и предвосхищает грядущее возрождение России — ее евразийское будущее. Поживем — увидим, но в любом случае хочется пожелать Д. Григоровой новых свершений и провидческих работ.

Литература

1. Вот какие мы — россияне. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Российская газета. 2011. 22.12. № 56600(284). — <http://www.rg.ru/2011/12/16/stat.html> (дата обращения: 21.02.2016).
2. **Гаман-Голутвина О. В., Пономарева Е. Г., Шишелина Л. Н.** «Восточное партнерство»: борьба сценариев развития // Полис. 2014. № 5.
3. **Геллнер Э.** Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
4. **Григорова Д.** Империя-Феникс: между светским минало и евразийского бъдеще. София: Военно издателство, 2015.
5. **Делягин М. Г.** Преодоление либеральной чумы. Почему и как мы победим! М.: Книжный мир, 2015.
6. **Зиновьев А. А.** История войны еще не описана и не изучена // Красная звезда. 2005. 25.04. — http://old.redstar.ru/2005/04/23_04/5_02.html (дата обращения: 21.02.2016).
7. **Зиновьев А. А.** Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006.
8. **Ключевский В. О.** Курс русской истории // **Он же.** Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1.
9. **Куняев С.** Лейтенант Третьей мировой. — http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/11/28/leitenant_tret_ej_mirovoj/ (дата обращения: 21.02.2016).
10. **Ленин В. И.** К истории вопроса о диктатуре // **Он же.** Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1967. Т. 41.
11. **Набоков В. В.** Машенька. — <http://lib.ru/NAVOKOW/mary.txt> (дата обращения: 21.02.2016).
12. **Пономарева Е. Г.** Современная Россия: политические отношения и политические институты. М.: МГИМО-Университет, 2006.

13. **Рерих Н. К.** В грозе и молнии // Собрание сочинений Н. К. Рериха / Н. К. Рерих. — http://rerich9.sitcity.ru/ltext_0204005629.phtml?p_ident=ltext_0204005629.p_0305203415 (дата обращения: 21.02.2016).

14. **Розанов В. В.** Апокалипсис нашего времени. — <http://www.vehi.net/rozanov/apokal.html> (дата обращения: 21.02.2016).

15. **Соловьев В. С.** Русская идея. — <http://www.vehi.net/soloviev/russianidea.html> (дата обращения: 21.02.2016).

16. **Срезневский И. И.** Материалы для словаря русского языка : в 3 т. СПб., 1893. Т. 3. — <http://etymolog.ruslang.ru/doc/sreznevskijT-Ja.pdf> (дата обращения: 21.02.2016).

17. **Фурсов А. И.** Бюрократия как исторический тип организации власти // Мировая экономика и международные отношения. 1987. № 7.

18. **Фурсов А. И.** Идеология и идеология // **Кустарев А.** Нервные люди. Очерки об интеллигенции. М. : КМК, 2006.

19. **Фурсов А. И.** «Кратократия» (социальная природа обществ советского типа) // Социум. 1991. № 8—12; 1992. № 1—8.

20. **Фурсов А. И.** Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilis in mobili. — <http://www.docme.ru/doc/63578/andrej-fursov---fenomen-russkoj-vlasti> (дата обращения: 21.02.2016). ◆